

Люди. События. Факты. РОССИЯНЕ В КЕНИГСБЕРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРИОД СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Автор: Г. В. Кретинин

В XVIII в. в российском образовании важную роль играл Кенигсбергский университет. Это был ближайший к России европейский университет и, естественно, многие из россиян становились его студентами.

Однако после активности в этом плане, связанной с Петром I, наступает некоторый спад. Выходцы из России появляются в Кенигсберге эпизодически. Так, в 1743 - 1744 гг. здесь обучался Кирилл Разумовский, в 1751 г. зачислены студентами братья Иван и Андрей Гудовичи ¹.

Вновь вопрос обучения россиян в Кенигсбергском университете встал на повестку дня в середине века. Выбор этого университета диктовался военно-политическими обстоятельствами. В ходе Семилетней войны русские войска в январе 1758 г. заняли Кенигсберг, жители провинции присягнули на верность российской императрице, в городе появился российский губернатор. Естественно, не мог оставаться в стороне и университет с его богатым интеллектуальным потенциалом.

Первая группа студентов из России прибыла в Кенигсберг 6 сентября 1758 года. Среди них были гимназисты Московского университета М. Афонин, А. Карамышев, И. Рыбников, И. Свишев и студенты того же университета П. Вениаминов, С. Зыбе-лин и Д. Ястребов ². Однако стать сразу студентами Кенигсбергского университета не удалось. Афонин впоследствии писал: "Но так как мы не знали немецкого языка, на котором там читались лекции, то Кенигсбергский университет не мог принять нас в число студентов. Поэтому для усовершенствования в немецком языке и упражнения в латинском мы занимались целый год у ректора Надровского... По истечении этого срока, по нашей просьбе, нас проэкзаменовал по немецкому и латинскому языкам декан философского факультета Ф. Теске, и мы были приняты обычным порядком в число студентов университета" ³.

Через три года, в июле 1761 г., Афонин и Карамышев были отправлены для продолжения образования в Упсалу, где занимались под руководством К. Линнея. Затем, в июне 1763 г. Вениаминов и Зыбелин с аналогичной целью выехали из Кенигсберга в Лейден. Следует отметить, что из группы в семь человек, посланной для обучения в Кенигсбергский университет в 1758 г., впоследствии трое стали профессорами и один (Карамышев) - членом-корреспондентом Академии наук ⁴.

Российской администрации в Пруссии требовались переводчики с немецкого языка. Широко известен пример использования в этом качестве офицера Архангело-городского полка Андрея Болотова. Но пример был единичным и всей проблемы решить не мог. Поэтому губернатор Пруссии Н. А. Корф запрашивает переводчиков из Петербурга. Таковых не оказалось (в достаточном количестве) и там поэтому было принято решение отправить в Кенигсберг еще одну группу гимназистов и студентов из Московского университета. Учитывая их конкретное предназначение, по словам самих студентов, в течении года с ними изучали немецкий язык, и только после этого вторая группа студентов в июне 1759 г. прибыла в Кенигсберг.

Группа состояла из четырех студентов и шести учеников гимназии. Сохранились краткие сведения о прибывших студентах, составленные ими собственноручно. Так, Сергей Малиновский, происходивший из "церковнических детей" и имевший от роду 23 года, писал: "В науках упражняюсь с 1747 г. Вначале в Нижегородской

Кретинин Геннадий Викторович - кандидат военных наук, г. Калининград.

стр. 131

семинарии обучался латинскому языку, на котором выслушал стихотворство, риторiku и начальные основания философии, а потом в 1755 году июля 22 дня в Московский Императорский Университет определен студентом, в котором 4 года обучался юриспруденции натуральной и римской, которую уже и

окончил, философии, теоретической арифметике и геометрии, красноречию латинского языка и немецкого, с недавнего времени, с которого переводить еще не в состоянии. Что касается латинского языка, то я как с одного на русский, так и с русского на латинский переводить в состоянии". Примерно такие же сведения привел о себе земляк и одногодок Малиновского - Илларион Садовский. На два года моложе своих товарищей оказался Панкрат Полонский, а самым старшим - 25 лет - был Илья Семенов. Все четверо до университета обучались в семинариях.

Значительная разница по возрасту и социальному положению отличала студентов от учеников-гимназистов: братья Сергей и Николай Бухвостовы, дворяне, 15 и 16 лет; тоже братья - Иван и Николай Шихматовы - княжеского происхождения, 16 и 17 лет; дворянин Степан Доможиров - 17 лет. И только Христофор Штеге происходил из разночинцев ("лекарский сын"), он имел от роду 14 лет.

Присланные студенты и гимназисты Сенатом предписывались к назначению на конкретные должности: Садовский и Полонский - в губернскую канцелярию, Малиновский - в Гумбинненскую, а Семенов - в Кенигсбергскую камары. Ученики Бухвостовы тоже приписывались к губернской канцелярии, а Штеге - "к камергерским делам". Неизвестно, куда планировалось назначить оставшихся трех учеников, но они прибыли в Кенигсберг позже, когда судьба всех уже практически определилась.

Корф приказал провести строгий экзамен прибывшим, где и обнаружилась их полная неготовность к службе переводчиками. Что же с ними делать? В этом вопросе на помощь губернатору пришли сами студенты. Они обратились к нему с письмом, в котором изложили свои взгляды на их дальнейшее трудоустройство: "Мы, будучи в Императорском Московском Университете студентами, обучались разных наук, приличных студенческому званию, четыре года и чрез них старались принести Отечеству ту пользу, которое оно от нас ожидало. Что касается до немецкого языка, то мы одного обучались не более как один год, который продолжая, изучили мы грамматические правила и делали под предводительством магистра не больше школьных экзерциций, и в столь краткое время, притом многими заняты будучи профессорскими лекциями, ни говорить, ни переводить по-немецки, как должно обучиться, не могли. Но теперь присланы мы к вашему превосходительству, как здесь уверены, в переводческую должность с немецкого языка, который мы, должность, исправлять не в состоянии, ни быть при других канцелярских должностях, по колику мы с малых еще лет по сие время находились при местах училищных, и следовательно, при оных быть никаких способностей не имеем. Сего ради, ваше высокопревосходительство, всепокорнейше и всенижайше просим сделать с нами отеческую милость и, оставя нас при старой команде, определить с находящимися здесь из Императорского Московского Университета студентами для приведения к окончанию нашего обучения, дабы толиких лет труды и издержанной на нас казенной кошт напрасно не пропал, и мы бы могли оказать ползу отечеству в рассуждениях нашего знания".

Обращают на себя внимание слова из письма: "Определить с находящимися здесь Императорского Московского Университета студентами". Естественно, обе группы студентов знали друг друга по Москве, где учились в университете с момента его основания. Встреча же в Кенигсберге способствовала обмену впечатлениями, опытом работы. За истекший год Афонин, Карамышев и их товарищи вполне могли разобраться с уровнем подготовки в Кенигсбергском университете, оценить качество преподавания и советовать прибывшим, как им поступить.

Корф идет им навстречу: "Прибывшим до указа Ее Императорского величества заниматься по расписанию", назначил им жалованье и одновременно затребовал из Сената указаний, как поступать дальше.

Расписание занятий включало перечень предметов обучения, количество часов, порядок усвоения программы. Предполагалось, что доктор Бук будет вести занятия по философии и математике (философия - в понедельник, вторник, четверг и пятницу - по одному часу; математика - в среду и в субботу - по два часа), ректор Надровский - по немецкому языку (ежедневно по два часа - основной предмет обучения!), магистр Лесток - по французскому языку (четыре раза в неделю по два часа). Занятия велись до обеда, только французским занимались с 16 до 18 часов. Всего в шестидневную неделю планировалось 28 часов аудиторских занятий.

Сложнее оказался вопрос с оплатой обучения и с жалованьем студентов, ведь статус их не был определен. Корф принимает решение назначить жалование в размере 90 руб. в год для студентов и 50 руб. для учащихся. Суммы эти совсем небольшие, они включали в себя стоимость обучения, плату за питание и жилье.

Студенты просили Корфа обратиться в Сенат с запросом о своей судьбе. Корф

стр. 132

пишет в Сенат 19 августа, где излагает неудавшуюся попытку обеспечить российскую администрацию переводчиками. Кстати, переводчиков он запрашивает вновь. В отношении же прибывших десяти человек сообщает о прикомандировании их к местному университету. Докладывает о размерах жалования и назначенном "попечительном смотре".

В начале 1760 г. Корф получает из Сената одобрение его действий в отношении определения прибывших десяти человек в университет, одновременно улучшается финансовое положение студентов, так как расходы за обучение Корф отнес за счет казны.

Не стоит думать, что процесс обучения шел исключительно гладко и плодотворно. Были и такие случаи, когда студенты нарушали установленные правила поведения, например, Иван Свищев из первой группы студентов за "худыя свои поведения" долгое время находился под арестом. Корф сообщил об этом в Москву, и куратор студентов И. Шувалов потребовал отправить Свищева в Москву, где он намерен был разобраться с ним лично.

Но в целом учеба шла хорошо: действовал материальный стимул. Особенно это касалось учеников, ибо успехи в обучении способствовали повышению их статуса. Об этом - прошение шести учеников Корфу: "Понеже по усмотрению в нас в учение достоинству от здешней академии произведены мы сего 1760 года апреля 8 дня в студенты, из нас же Штеге июня 30 с. г. в студенты, и об оном произведении данные нам от здешней академии матрикулы при сем всенижайше подносим". Прошение служило основанием для увеличения жалованья с 50 до 90 рублей.

Представляет собой интерес текст этого "матрикула", переведенного на русский язык Илларионом Садовским: "По благорассмотрению высокородного и высоко почтенного господина Академии ректора физики профессора Прусской консистории советника и находящихся здесь пансионеров куратора Иоганна Готтфреда не разб. высокоблагородного и высокопочтенного господина академии канцлера, обоих прав доктора и ординарного профессора, прусской консистории вице- президента и официала Цехестина Ковалевского: князь Иван Шихматов, князь Николай Шихматов, Степан Доможиров, Сергей Бухвостов, Николай Бухвостов, 8/19 апреля, Христофор Штеге 19/30 июня сего 1760 году в Кенигсбергской академии во число студентов произведены. Во свидетельство чего практической философии профессором и философского факультета деканом Каслем, Андрем Христиани, речевой академии и печать приложена. Кенигсберг, сентября 8 дня 1760 году".

В 1762 г. студенты начали возвращаться домой (за исключением тех, кто продолжал учебу в Лейдене и Упсале, Свищева, отправленного в Москву досрочно, а также Иллариона Садовского, умершего от "жестокой горячки" 2 мая 1762 г.)⁶.

Удалось проследить дальнейшую судьбу не всех студентов. Так, Рыбников и Ястребов стали преподавателями кадетского корпуса в Санкт-Петербурге. Малиновский и Доможиров начали служить на секретарских должностях в высших правительственных учреждениях, оба имели чин титулярного советника. Иван Шихматов дослужился до премьер-майора. Больше известно о Панкратии Полонском. В октябре 1762 г. на основании указа Сената он экзаменовался в Академии наук и показал отличные знания по философии, арифметике, геометрии, а также по латинскому, немецкому и французскому языкам. Был оставлен на службу в Сенате, дослужился до чина надворного советника. Занимался сочинительством и переводами⁷.

Примечания

1. ВАСИЛЬЧИКОВ А. А. Семейство Разумовских. Т. I. СПб. 1880, с. 28; RASUMOVSKI Kamill. Aus Alten Zeiten. Graf Kirill Grigoriewitsch Rasumovski. Halle. 1913, S. 10; Die Matrikel der Universität Königsberg. Munchen und Leipzig. 1912, S. 442.
2. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. (далее - Документы). Т. 1, с. 115, 116, 317; Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 25, Кенигсбергская канцелярия, оп. 1, д. 204, л. 9.
3. Документы. Т. 3, с. 230 - 232. Упомянутого в цитате "ректора" Надровского, возможно, правильнее было бы назвать "лектором". По Далю, "лектор" означает "учитель новых языков при заведении, где учителя именуются профессорами". См. ДАЛЬ В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М. 1981, с. 247.
4. Более подробно см. Биографический словарь профессоров Московского университета. Т. I. М. 1855, с. 42 - 49, 151 - 153, 340 - 344; РАСКИН Н. М., ШАФРАНОВСКИЙ Н. Н. Александр Матвеевич Карамышев. Л. 1975; ПЕНЧКО Н. А. Выдающиеся воспитанники Московского университета в иностранных университетах. 1758 - 1771. - Исторический архив, 1956, N2, с. 161 - 182.
5. РГАДА, ф. 25, оп. 1, д. 204, л. 1, 2, 5 и 5об., 11, 8, 47, 52 - 53, 83, 88.
6. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Р. Х. 1775. СПб. 1775, с. 14, 231; Русский биографический словарь. Т. 14, с. 382.